

*Красноармеец, переданный
в крестьянина, захвачен польскими
солдатами*

Трагедия красноармейцев

В ПОЛЬСКОМ ПЛЕНУ

Геннадий Матвеев,
профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой
истории южных и западных славян исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

**18 ОКТЯБРЯ 1920 г., ПОСЛЕ 20 МЕСЯЦЕВ
ТО ЗАТИХАВШИХ, ТО РАЗВОРАЧИВАВШИХСЯ
С НОВОЙ СИЛОЙ БОЕВ, НА СОВЕТСКО-
ПОЛЬСКОМ ФРОНТЕ НАСТУПИЛО ПЕРЕМИРИЕ.
18 МАРТА 1921 г. В РИГЕ БЫЛ ПОДПИСАН
МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РСФСР
(ПРЕДСТАВЛЯВШЕЙ ТАКЖЕ ИНТЕРЕСЫ БССР)
И УССР С ОДНОЙ СТОРОНЫ И ПОЛЬШЕЙ –
С ДРУГОЙ. НО ЕЩЕ РАНЬШЕ, 24 ФЕВРАЛЯ
1921 г., РИЖСКИЕ ПЕРЕГОВОРЩИКИ
ЗАКЛЮЧИЛИ СОГЛАШЕНИЕ О РЕПАТРИАЦИИ,
ДЕЙСТВИЕ КОТОРОГО РАСПРОСТРАНЯЛОСЬ**

**И НА ВОЕННОПЛЕННЫХ. И УЖЕ
В МАРТЕ ЧЕРЕЗ ПОГРАНИЧНЫЕ СТАНЦИИ
В БЕЛОРУССКИХ БАРАНОВИЧАХ И УКРАИНСКОМ
ЗДОЛБУНОВЕ ДВИНУЛИСЬ ПЕРВЫЕ ЭШЕЛОНЫ
С ПЛЕННЫМИ КРАСНОАРМЕЙЦАМИ.
В ХОДЕ ЭВАКУАЦИИ, ОСНОВНОЙ ЭТАП
КОТОРОЙ ПРОДЛИЛСЯ ДО СЕРЕДИНЫ
ОКТЯБРЯ 1921 г., НА РОДИНУ ВЕРНУЛИСЬ,
ПО СОВЕТСКИМ ДАННЫМ, 75 699 ВЧЕРАШНИХ
УЗНИКОВ ЛАГЕРЕЙ. НО ЕЩЕ ДЕСЯТКИ
ТЫСЯЧ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОСТАЛИСЬ ЛЕЖАТЬ
В ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ...**

«Плен» – это неволя (именно так по-польски и звучит это слово), а всякая неволя – это трагедия для лишённого свободы человека. Осознав это, цивилизованный мир заключил в 1907 г. в Гааге конвенцию «О законах и обычаях войны», рекомендовавшую нормы в обращении с военнопленными. И во время Первой мировой войны ее участники более или менее соблюдали добровольно взятые на себя обязательства в отношении пленных. Так, в немецком лагере во-

Ведь по утверждению той же Википедии, пленные могли свободно покидать территорию лагеря, чтобы подработать у окрестных крестьян. Следовательно, военные совершали преступное деяние и против собственного населения, так как эпидемия в таком случае грозила бы распространиться далеко за пределы лагеря. Тем более что в польской армии существовала санитарная служба, занимавшаяся также и предотвращением угроз эпидемий. Понятно,

Но события тех лет должны быть тщательно изучены, чтобы историческая «недоговоренность» не отравляла и так не самые безоблачные российско-польские отношения. И для этого есть возможности: в 2004 г. был издан солидный том документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 годах», составленный главным образом из документов польских архивов, которые скорее приукрашают, нежели очерняют реальность.

ЛЮБАЯ ПОПЫТКА РАЗОБРАТЬСЯ В ПРИЧИНАХ И МАСШТАБАХ ЭТОЙ КАТАСТРОФЫ ТУТ ЖЕ ВЫЗЫВАЕТ ОБВИНЕНИЯ МНОГИХ ПОЛЬСКИХ КОЛЛЕГ И ПУБЛИЦИСТОВ В СТРЕМЛЕНИИ ПРЕУМЕНИШИТЬ МАСШТАБЫ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

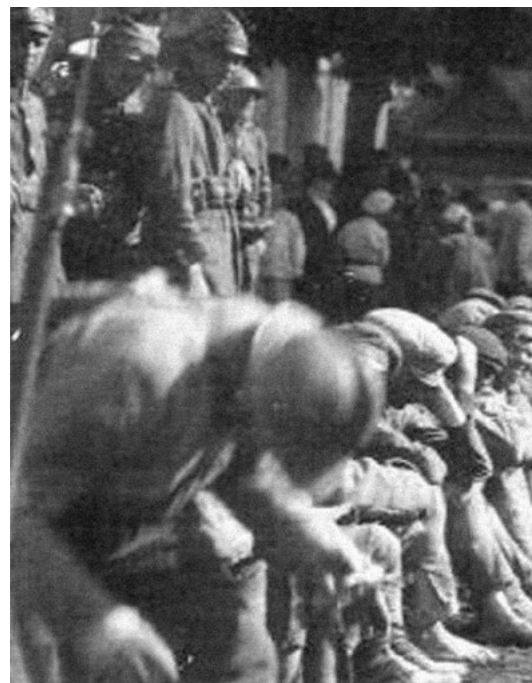
Понять масштабы трагедии польского плена невозможно без знания того, сколько красноармейцев в нем оказалось. Разброс цифр велик – от 110 тыс. до более 200 тыс. человек. На основании ежедневных сводок оперативного отдела польского главного командования нашими специалистами подсчитано, что в польских руках за время войны оказалось не менее 206 877 военнослужащих РККА. Не все они реально стали узниками лагерей. Одним повезло, они бежали сразу же

еннопленных в Стшалково за 1915–1918 гг. умерло 506 человек (как ни цинично звучит, но по «меркам» концлагеря – это немного), хотя в самой Германии в это время остро не хватало продуктов питания.

Совершенно иначе выглядела ситуация в том же лагере, когда, начиная с мая 1919 г., он стал использоваться поляками в отношении красноармейцев: в 1919–1921 гг. в нем умерли около 9 тыс. человек. Польская Википедия объясняет высокую смертность эпидемией тифа в лагере. Но как военные власти лагеря могли допустить столь масштабную эпидемию?

что были куда более серьезные причины массового мора узников этого и других заведений для пленных. А лубочно-википедиевская картинка – это не более чем попытка обелить виновников катастрофы, постигшей красноармейцев в польском плену.

По собственному опыту знаю, что любая попытка разобраться в причинах и масштабах этой катастрофы тут же вызывает обвинения многих польских коллег и публицистов в стремлении преуменьшить масштабы катынского преступления. Для этого в Польше даже придумали термин «анти-Катынь».

Концентрационная станция для красноармейцев. Октябрь 1920 г.

после пленения, еще до постановки на учет, а кого-то даже отпустили, чтобы не выделять солдат для их охраны и конвоирования в тыл. Других включили в так называемые дикие (т.е. созданные без разрешения военного министерства) рабочие команды и оставили во фронтовых частях – их судьба туманна. Очень многих просто расстреляли без суда и следствия. Прежде всего расстреливали комиссаров,

командиров, коммунистов, китайцев и евреев, но и другие категории «узников войны» не могли чувствовать себя в безопасности в момент пленения. Наиболее громкий случай – расстрел 199 пленных по приказу генерала В. Сикорского 24 августа 1920 г. под Млавой. А еще раненых красноармейцев бросали на произвол судьбы на поле боя. Кто-то из них уцелел, но большинство, особенно в августе – сентябре 1920 г.,

были убиты польскими отрядами самообороны. Поэтому в «специализированные заведения» попали далеко не все оказавшиеся в руках у поляков красноармейцы – по нашей оценке, таких было не менее 157 тыс. человек.

Путь пленных от фронта до стационарного лагеря был непростым и опасным. Вначале пленных, уже раздетых и ограбленных, отправляли на сборные пункты для постановки на учет, а также на условное денежное и продовольственное довольствие. Затем были распределительные и пересыльные пункты, располагавшиеся в прифронтовой полосе. Условия содержания в них были невыносимыми. Вот как описывал в 1919 г. ситуацию на сборной станции Молодечно заместитель начальника санитарной службы Литовско-Белорусского фронта майор Хакбейль: «Лагерь при сборной станции для пленных – это был настоящий застенок. Никто об этих несчастных не заботился, ничего удивительного, что человек неу-

Пленные красноармейцы. Август 1920 г.

**ЗАЧАСТУЮ ЭТО БЫЛ
ОГОРОЖЕННЫЙ КОЛЮЧЕЙ
ПРОВОЛОКОЙ УЧАСТОК ПОЛЯ,
ГДЕ ПЛЕННЫЕ ВЫНУЖДЕННЫ
БЫЛИ В ДОЖДЬ И ХОЛОД СПАТЬ
НА ГОЛОЙ ЗЕМЛЕ**

Пленные красноармейцы

мытый, не одетый, плохо кормленный и ненадлежащим образом размещенный, в результате инфекции был обречен только на смерть...»

В моменты резкого увеличения числа пленных (в апреле – мае, а также августе 1920 г.) создавались концентрационные лагеря для временного содержания пленных. Поскольку стационарные лагеря были переполнены, концентрационные лагеря осенью 1920 г. фактически были превращены в пересыльно-распределительные пункты, но без положенных им жилых помещений, кухонь, продовольственного и вещевого снабжения и т.д. Зачастую это был огороженный колючей проволокой участок поля, где пленные вынуждены были в дождь и холод спать на голой земле. Вследствие этого осенью 1920 г. в них распространились массовые заболевания сыпным и возвратным тифом, дизентерией, гриппом, даже холерой – смертность была очень высокой.

После прохождения фронтовых заведений пленных ожидал не ме-

нее трагический этап – транспортировка в стационарные лагеря. В рапорте командования Познанского военного округа от 29 ноября 1920 г. отмечалось, что «транспортировка пленных не налажена должным образом... Время движения транспорта обычно рассчитывается на 2–3 дня, а в действительности оно длится значительно дольше, т.е. около 6 дней. Пленные получают продовольственный паек, обычно хлеб, фасоль на 2 – максимум 3 дня, а затем голодают оставшиеся дни. Неудобство поездки, голод, холод, отсутствие теплой одежды на фоне общего ослабления пленных приводит к такому истощению, что во время пути постоянно умирает несколько пленных. Это же имеет место после прибытия в лагерь и в первые дни карантина». Так, эшелон из Ковеля в Пулавы в ноябре 1920 г. с 700 пленных находился в пути 4 дня, и все это время их вообще не кормили, хотя в поезде везли предназначенное для их питания

мясо. «Мясо привезли замороженным, и одновременно людей – так изголодавшихся, что значительная их часть самостоятельно не могла выйти из вагонов, а 15 человек из них в первый же день после приезда умерли». В другом эшелоне, следовавшем по тому же маршруту, из 300 пленных в пути скончались 37.

Пленные красноармейцы размещались в основном в стационарных лагерях Стшалково, Домбе, Тухоля, Демблин, Брест-Литовск, Вадовице. Каждому полагалось в день 500 г хлеба, 150 г мяса, 700 г картофеля, 150 г сырых овощей или муки, различные приправы, а также две 100-граммовые порции кофе. Оценки пайка современниками схожи. Начальник лагеря в Вадовице был осторожен: «Питание пленных... вызывает сомнение относительно его достаточности, но опыт показывает, что для людей, не работающих ни физически, ни умственно, оно вполне достаточно...». Более

определенно на эту тему высказывались авторы доклада о ситуации в Стшалково: «Питание пленных... недостаточное, особенно в зимние месяцы из-за холода и отсутствия теплого обмундирования. Отсутствие надлежащего питания – одна из причин плохого состояния здоровья...». Аналогичную оценку пайку давали узники коммунистических барачков в Стшалково, которых не использовали на работах: «Если в общем питание коммунистов можно признать удовлетворительным, то этого далеко нельзя сказать о питании красноармейцев в отделах. Имея в виду, что они работают, – порция, достаточная с грехом пополам для нас, – слишком мала для них. Кроме того, они немилосердно обкрадываются кухонной администрацией, благодаря неудовлетворительной постановке контроля... Пленные красноармейцы, безусловно, голодают». О том, как они голодали, свидетельствует рассказ начальника

распределительной станции в Пулавах майора Хлебковского о «несносных пленных», которые постоянно выбирают из навозной кучи «картофельные очистки, чтобы их съесть: поэтому он был вынужден поставить возле навоза караул. Однако этого недостаточно... нужно будет эту навозную кучу окружить колючей проволокой – для защиты выбрасываемых туда очистков. Господин майор считает, что большевики специально поступают таким образом

СЫРЫЕ, ПЛОХО ОТАПЛИВАЕМЫЕ, НЕПРОВЕТРИВАЕМЫЕ БАРАКИ И ПОЛУЗЕМЛЯНКИ, ОТСУТСТВИЕ СЕННИКОВ И ОДЕЯЛ

для распространения беспорядков и фермента в Польше».

Условия содержания практически везде не соответствовали требованиям нормативных документов военного министерства, изданных в 1919 г. По мнению

проверявших лагерь инспекторов и комиссий, наиболее распространенными и часто встречающимися недостатками были: сырые, плохо отапливаемые, непрветриваемые бараки и полуземлянки, отсутствие сенников и одеял, не говоря уже о постельном белье, недостаточное, плохое и нерегулярное питание, в том числе и вследствие воровства работников лагерных служб, грубое, а временами и жестокое обращение с пленными, нехватка обуви и одежды, низкая пропускная способность бань, прачечных, дезинфекционных установок, что не позволяло обеспечивать нормальные санитарно-гигиенические условия, отсутствие самых необходимых лекарств при общей нехватке мест в лагерных лазаретах и госпиталях, периодически повторяющиеся эпидемии инфекционных заболеваний, начиная с гриппа и кончая тифом и даже холерой. Нередко больные и здоровые пленные содержались вместе, что благоприятствовало возникновению эпидемий.

Например, комиссия Международного комитета Красного Креста, проверив в октябре 1919 г. санитарное состояние лагеря в Брест-Литовске, констатировала: «... из-за скученности помещений, не пригодных для жилья;

совместного тесного проживания здоровых военнопленных и заразных больных, многие из которых тут же и умирали, недостаточности питания, о чем свидетельствуют многочисленные случаи истощения, отеков, голода... лагерь в Брест-Литовске

щие к небу о возмездии... Сами бараки переполнены, среди "здоровых" полно больных. По моему мнению, среди тех 1400 пленных здоровых просто нет. Прикрытые тряпьем, они жмутся друг к другу, согреваясь взаимно. Смерд от дизентерийных больных

размещения, одежды, а также создания сносных гигиенических условий в лагерях и на распределительных станциях пленных, не дали до сего дня желаемого результата. К сожалению, фактическое состояние свидетельствует, что мои прежние приказы в этой области столкнулись с неумением и непониманием соответствующих исполнительных органов».

Здоровые пленные из рядовых и некоммунисты использовались на работах в рабочих командах и железнодорожных ротах, создававшихся по приказу военного министерства. На рубеже 1920–1921 гг. было 114 таких команд с числом занятых около 25 тыс. человек. Пленные красноармейцы работали и в помещичьих имениях. На Рижской мирной конференции труд советских пленных был оценен в 6 млрд 34 млн польских марок, а затраты на их содержание только в 1 млрд 496 млн марок. Хотя в польской литературе положение в рабочих командах оценивается как более благоприятное, чем в лагерях, на самом деле так было далеко не всегда. Не случайно К. Соснковский в упомянутом выше приказе отметил, что «положение в рабочих командах пленных... также оставляет желать лучшего. Невыплата жалования, избиение пленных, их размещение в непригодных помещениях и плохое питание – это часто встречающиеся факты, наносящие ущерб военным учреждениям и дискредитирующие их в глазах цивилизованного мира».

Совершенно естественно, что тяжелые условия жизни в заведениях для пленных и рабочих командах, голод, холод, болезни были

Колонна пленных красноармейцев. Польша

представлял собой настоящий некрополь». О том, что этот лагерь не был исключением, свидетельствует описание польским военным врачом Хабахтом положения в Белостоке: «Вновь то же преступное пренебрежение своими обязанностями всех действующих в лагере органов... Несколько сот человек заплатили за это жизнью и еще несколько сот должны будут погибнуть ...

В лагере на каждом шагу грязь, неопрятность, которые невозможно описать, запущенность и человеческая нужда, вызываю-

и пораженных гангреной, опухших от голода ног...». Знавший положение в лагерях начальник санитарного департамента военного министерства генерал З. Гордыньский резюмировал: «...Лучше не брать пленных, чем позволять им гибнуть тысячами от голода или заразы».

Даже военный министр генерал К. Соснковский вынужден был в декабре 1920 г. признать в своем приказе: «Распоряжения Минвоендел... по вопросам правильного обращения с пленными, касающиеся их надлежащего питания,

причиной высокой смертности в общем-то молодых мужчин. Из-за отсутствия достоверных данных можно определить лишь ориентировочную численность умерших. Если принять за средне-статистическую зафиксированную в письме санитарного департамента министерства военных дел от 18 февраля 1920 г. норму смертности пленных в 7%, то число умерших красноармейцев составило бы порядка 11 тыс. человек. Но достоверно известно, что только в Стшалково и Тухоли умерло более 11,5 тыс. пленных. А пленные умирали и в других лагерях. Следовательно, средний показатель смертности не репрезентативен.

ГОЛОД, ХОЛОД, БОЛЕЗНИ БЫЛИ ПРИЧИНОЙ ВЫСОКОЙ СМЕРТНОСТИ

Для получения более точного представления о смертности следует учитывать периодически случавшиеся в лагерях эпидемии, когда смертность возрастала в 4–5 раз, до 30 и более процентов. Таких эпидемий было три: в августе – сентябре 1919 г., зимой 1920 г. и зимой 1921 г. И каждая длилась 2–3 месяца. Путем несложных арифметических подсчетов можно определить, что в общей сложности могло умереть от 25 до 28 тыс. человек, т.е. уровень смертности равнялся примерно 18%.

Судьба пленных, не вернувшихся по репатриации и не погибших в плену, сложилась по-разному.

Часть была отбита у поляков в ходе советского контрнаступления в июне – августе 1920 г. Около 30 тыс. по разным мотивам вступили в антисоветские формирования на стороне Польши (С. Балаховича, С. Петлюры, Б. Савинкова и др.). Кто-то из них перешел на советскую сторону, вернулся по амнистии, объявленной в конце 1921 г., погиб в боях или остался в эмиграции. Какая-то часть пленных, мобилизованных в Красную армию в отошедших к Польше районах Западной Белоруссии и Волыни, вернулась домой. Сохранилось немало свидетельств о побегах, в том числе удачных. А около 1 тыс. просто не захотели возвращаться.

Закономерен вопрос, кто же был повинен в нечеловеческих условиях плена? На первый взгляд, главное командование и военное министерство сделали все для создания эффективной системы содержания пленных. Но она так и не заработала. С одной стороны, не было строгого контроля за точным соблюдением соответствующих инструкций и распоряжений. С другой стороны, судьба узников войны оказалась в руках людей, ни психологически, ни профессионально не готовых к выполнению своих обязанностей. Многие офицеры, руководившие лагерями и рабочими командами, были убеждены в своем цивилизационном превосходстве над «азиатскими варварами», заражены ксенофобией, не всегда были чисты на руку (воровали продукты сами и не мешали это делать подчиненным).

Точнее всего причины катастрофы плена в декабре 1919 г. определил З. Гордыньский: «Причина зла,

и причем существенная, и пусть виновные в этом покаются – это неповоротливость и безразличие, пренебрежение и невыполнение своих прямых обязанностей...» Конечно, были и объективные трудности со снабжением продовольствием и одеждой, топливом и лекарствами. Но ведь Польша не переживала пандемий инфекционных заболеваний и всеобщего голода. В трагедии польского плена явно просматривается вина тех, кто по долгу службы должен был эту трагедию всеми силами предупреждать. А вместо этого они фактически продолжали с пленными свою личную войну, без угрызений совести и чувства христианского милосердия обрекая своих беззащитных подопечных на холод, голод, болезни и мучительное умирание.

Пленные красноармейцы на проселочной дороге. Польша